

ЛИЛИТ МАЗИКИНА

Песни и пляски счастливых мира сего

Лилит Мазикина

**Песни и пляски
счастливых мира сего**

«Издательские решения»

Мазикина Л.

Песни и пляски счастливых мира сего / Л. Мазикина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961688-3

Не стоит доверять наивности этих стихов, их немного детскому виду. Лилит — настоящая волшебница, она ворожит словами. Наблюдая за ней, могу сказать, что главное в том, что она делает — ритм, и нельзя сказать, какой это ритм: поэзии или музыки. Наталия Черных

ISBN 978-5-44-961688-3

© Мазикина Л.
© Издательские решения

Содержание

Стены и поля	6
Сёстры	8
Ка-ри-а-ти...	9
Бедолага	10
Апельсины падали	11
Шопен	12
Показалось	13
В Киеве зима	14
Третьесентябрьское	15
Босой	16
Кровь красная. Вода мокрая	17
Девочка строила город	18
Печи	19
Дервиши	20
Никогда	21
Дакини	22
Мостик	23
Толстая Маша	24
Тоска	25
Солнце	26
Письмо из задачника	27
Город	28
Фламенко. Волгоград	29
Ангел	31
Панночка	32
Табор плясал	33
Быльё	35
Рубен Топкарян	36
Чардаш	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Песни и пляски счастливых мира сего

Лилит Мазикина

© Лилит Мазикина, 2019

ISBN 978-5-4496-1688-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стены и поля

«Я никогда не родилась поэтом.»

Лилит Мазикина

Эта книга – одновременно радостная и тревожная. Стихи расположены слоями. То сыплются в лучах и ветре лепестками цветов, обязательно красного оттенка, над зелеными полями. То вырастают стенами привычного городского пейзажа. То витальные, подъемные, а то резкие до ненависти. Книгу надо читать всю, тогда возникнет ощущение лестницы, а в конце – возвращение домой, к точке самого сильного влечения.

Лилит Мазикина не боится сетевого литературного пространства, но и не успокаивается, вполне его освоив. Наблюдая за ней, могу сказать, что главное в том, что она делает – ритм, и нельзя сказать, какой это ритм: поэзии или музыки. «Чардаш», «Рубен Топкарян», «46 гвардейский» больше похожи на тексты песен, чем на собственно стихи – хотя в «Чардаше» есть элементы визуальной поэзии. Но Лилит Мазикина использует их как нотную грамоту, что возвращает к музыке: «я никогда не родилась поэтом».

Тем не менее, книга – праздник поэтической стихии. Немного нестройный от наплыва эмоций долгий танец, диковинный карнавал, идущий по улицам города и уходящий за его пределы, оставляющий после себя свирельную грусть. «Табор уходит в небо» – примерно так и книга. Если представить табор (хотите – мифический, хотите – виртуальный), кочующий по временам и странам, в каждой стране приобретающий драгоценного коня поэзии, – получится такая книга. Здесь немцы, поляки и венгры – как видят их цыгане табора. Здесь дровиши, несущие с собою кружение песчаной бури, здесь Индия без макияжа, коварная и сладкая страна, здесь, конечно, Испания, которой автор объясняется в любви, здесь нынешний Киев, наполненный золотой тишиной, здесь Федерико Гарсиа Лорка беседует с Михаилом Шолоховым. Разнообразие может насторожить. Но переход от одной страны к другой, от средневековья с сороковым годам двадцатого века, – прочувствован и органичен. Автор не играет в театре имени себя самой, она остается той, кто есть. Но страны и времена сами, как подвижные декорации, ходят у нее под ногами. Это женственный взгляд, обволакивающий, выманивающий, а порой резкий, пронзительный, убийственный.

Особенное внимание хочется уделить балладам. Лилит Мазикина любит этот жанр. «Уродилась», «Рубен Топкарян», «Бабка Варвара» – далеко не полный перечень, с достатком на одну книгу. Баллада в современной поэзии – почти анахронизм. Однако этот жанр будет жить, сколько живет поэзия, ведь в основе своей баллада – дорожная песня. А что ближе цыганскому сердцу? Лилит Мазикина удивительно балансирует, не уходя в стилизацию жанра и не усложняя поэтическую речь, чтобы сохранить жанр. Эти стихи веские, но не тяжелые, мудрые, но не заумные. Именно в балладах наиболее чувствуется теплая сердечная тяга, трепетная бережность к человеку и его чувствам, понимание зыбкости человеческого бытия. Каждая баллада в книге – законченная история. Персонажей можно встретить на улице или прочитать о них в газете. Но при этом повествование всегда чуть приподнято над бытом, оно стремится, летит, как и положено в балладе, чтобы скоротать путь – может быть, целую жизнь.

Лилит Мазикина – прекрасная рассказчица. И потому даже дневниковые стихи выходят у нее замечательно интересными. Не всякий блогер может заинтересовать читателя вечерней дорогой с работы, а у Лилит – приключение, подчас шокирующее. Пропущенный урок игры на фортепиано и ночная прогулка в летнем саду открывают девочке Шопена. В каждом стихотворении скрыто зерно, которое потом прорастает в читателе. Не стоит доверять наивности этих стихов, их немного детскому виду. Лилит – настоящая волшебница, она ворожит словами.

И вот, вы уже слышите во сне, как гудят трубы небольшого городка или стонет конь, почуявший волка.

Поэзия сегодня вспомнила свои древние инструменты: например, музыку, сопровождающую чтение. Таких опытов очень много, и не все они удачны, хотя безусловно есть, о чем говорить. Элементы театра, элементы видео, включенные в поэтическое выступление – все это уже не удивляет. Автор книги выражается о своих стихах тепло, но без упора на слове «поэт». И, однако, демонстрирует прекрасную осведомленность в том, что происходит в современной поэзии. Это заметно и в структуре фраз, и в темах стихов, и в цитатах. Но (переворот назад) – выбирает язык строгий, почти пуританский. Словно хочет сказать: вся эта новизна приятна и хороша, но я люблю больше старое вино. И пойдет танцевать Лорку. Прочитав эти стихи, понимаешь вдруг, что над фламенко смеяться еще ни у кого не получалось, и это – контекст.

Книга будет нести читателя по ярким, немного печальным от пестроты волнам. И автор познакомит вас с Лоркой, Цветаевой, Бродским – как будто бы они были живы. Вы сможете побеседовать с ними. А Лилит споет вам цыганскую песню, которую сама и сочинила.

Наталия Черных

Сёстры

– Расскажи нам книжку, Шарлотта!
– Какую?
– Которой нет:
про ночных танцоров,
пустошь,
чужое лицо в окне...
– Про такое Эми расскажет,
а я —
прижимайтесь теплей! —
прочитаю со стен
историю о
лесном короле.
У него и голос сердит,
и лицо,
и глаза черны.
У него есть тайна —
имя
его жены.
Он безмолвно любит
кого-то
такого, как я.
Только он не король,
не в лесу
и даже не злей воробья.
– Нет, не так, Шарлотта!
Он злой,
и вообще, он – цыган.
Он бродил дорогами
дальних,
неласковых стран.
Он кричал о любви,
рычал о любви,
как зверь!
– Не пинай её, Энн.
Пусть Эми читает теперь...

октябрь 2013

Ка-ри-а-ти...

Я сплю,
и мне снится, что я —
ка-ри-а-ти-да,
держательница
чужих грехов
на плечах.
Взгляд моих белых глаз —
киносъёмка рапидом.
Ноги вырастают в куб
из кирпича.
Всё бесконечно:
усталость,
тяжесть
и юность.
В камне
дождь вырезает
узор
морщин.
Я сплю, и мне снится,
что я
как будто
проснулась,
хожу и держу
чужие грехи
без причин.

сентябрь 2013

Бедолага

Забродило моё сердце алой брагой.
Застоялось без дороги, бедолага.
А дороги перекрыты городами,
с улиц неба не видать за проводами,
нет пути...
Я зажмурюсь и проснусь опять девчонкой,
невесомой, как былинка, тонкой,
зазвеню от ветра стрункой на гитаре,
города подвинутся, провода растают,
хоть лети!

декабрь 2013

Апельсины падали

Апельсины падали, недозрелы,
оливы плакали; а расстрела,
наверно, не было – так напишут.
Писать нетрудно о делах давнишних...
Апельсины падали, меднобоки.
А кого-то палками били бойко,
и кого-то метко прикладом клали.
Младенцы плакали: молоко украли.
И матери плакали, и старухи плакали,
когда на землю апельсины падали,
и заря топтала их, красная, злая,
и сок плескался, заливая
сады до неба.
Расстрела не было.
Куда девался я? Сам не знаю.

декабрь 2013

Шопен

В доме темны углы, тянет сквозняк по ногам.
Мама ворчит: не лындай, сядь, повторяй гаммы.
Что мне до клавиш летом! Тихо сбегу в сад.
Мама зажжёт свет, за ноты сама сядет.
Вьётся лентой Шопен, в лампе огонь рыж.
Ноги в росе по колено. Месяц глядит с крыши.

октябрь 2013

Показалось

Снег неяркий. Свет нежаркий. Подмосковная зима.
На последние копейки выживаю из ума.
Мокро в кедах. Зябко в куртке. И ещё наоборот.
От платформы к остановке я лечу то вскачь, то вброд.
А на небо вышло солнце чуть не под руку с луной.
А декабрь показался – самым краешком – весной...

декабрь 2013

В Киеве зима

В Киеве зима, жаркая, будто жар,
жаркая, как грипп, пламени пожар.
В Москве, как обычно, осень, чёрно-белая ржа,
медленная смерть по-прежнему лучше скорой.

Пишет подруга: в багажнике – кругленькая дыра,
завтра поеду снова, обещаю, буду шустра.
Не говорите маме. Не говорите мне.
Вообще, не болтайте вздора.

В Киеве ноги раскалывают черепа.
Каждый твердит о другом: ярость его слепа.
Каждый смотрит напротив, и видит, что там толпа,
и чует локтями горячее человеческое море.

Пишет другая подруга: вчера не вернулся брат,
ушёл защищать наш Киев как Сталинград,
и это, возможно, первая из утрат,
и это, наверное, только первое горе.

А я не пишу, я расхаживаю по Москве,
в Киеве у меня подруг – сто двадцать две,
каждая пишет, и каждая вроде бы человек,
а остальные, как в старину говорили, воры.

И, может быть, что-то не так в моей голове,
но я не хочу, чтоб любая «держала ответ».
Я хочу Киеву лета, и лета – нам.
И, пожалуйста, скоро.

февраль 2014

Третьесентябрьское

Когда из города вон уходило лето
куда-то к южным лугам, в норе отсыпаться —
кидало на след свой листья, как Ганс и Гретель,
а я глядела в окно и дула на пальцы,
и думала, как же странно, что целый город
не видит ли, делает вид ли: с теплом и цветом
уносит лето, с притворной лёгкостью вора
в рукав засунув, наши назад билеты.

сентябрь 2014

Босой

Мама, душно... Хочу во двор: ты погляди,
кто-то ходил босой по небу и наследил.
В куртке карманы дырявы, порассыпал звёзд.
Мама, скажи, кому он их столько нёс?
Катятся звёзды, катятся, падают вниз,
бьются об окна, и зажигают огни.
Много, как думаешь, осталось у босого чуд?
Мама, душно... Я тоже на небо хочу...

сентябрь 2014

Кровь красная. Вода мокрая

Одиннадцать лет без недели. С вечера собран ранец.
Ты проверяешь: кровь – красна, если пораниться.
Кости, наверное, белые. Белки и зубы – так точно.
И с этой отчаянной мыслью тебя усыпляет ночь.
Утром ты чистишь зубы, добела трёшь их щёткой.
Плещешь водой (мокрая) на слишком смуглые щёки.
Слишком смуглые руки. Слишком тёмные пальцы.
Но кровь-то, кровь же не врёт! Краснеет, если пораниться!
Новое знание жжётся, свербит безумолчным зуммером.
Они хотят, чтоб ты не был. Они хотят, чтоб ты умер.
Разве руки и пальцы человека делают зверем?
С этой отчаянной мыслью ты выходишь за дверь.

Тебе пятнадцать, девятый. Косички, веснушки, кеды.
Вчера ты плакала в голос над глупыми детскими бедами.
Любовь не делает старше – спину сгибает вина.
Оказывается, так важно, в кого ты вдруг влюблена!
Прощают девчонкам и гопника, и дурака, и убийцу,
но горе, если случилось в другую девчонку влюбиться.
Как непрочно на поверку родительская любовь,
как иллюзорна дружба, товарищество – тем более...
Словечки, жесты и шуточки (что смешного в насилии?!):
теперь до конца десятого тебе терпеть и сносить их.
Они только дразнятся, правда? Они ничего не сделают!
Но ты уже привыкаешь к желанию, чтоб тебя не было.

Тебе тридцать семь. Или сорок. Немного за шестьдесят.
Не тронешь мухи. А может, ничто для тебя не свято.
Тёмные руки. Белые. Котики. Дочь. Одна.
Карьера была успешна. Не поднялась со дна.
Утром – вафли и кофе. Не любишь смотреть сериалы.
Рыбачишь. Готовишь. Гуляешь. Устраиваешь скандалы.
Никто не помнит. Раз в год сотни людей тебя чествуют.
Ты любой. Ты любая. Просто кем-то вычеркнут из человечества.
Как бы много ни было «кого-то», как ни било бы это по жизни,
для тебя есть особая заповедь, эта заповедь: не Расскажи.
Не страх свой, не мысль, а знание, безыскусно и немо:

Кровь красная.
Вода мокрая.
Чтоб ты умер.
Чтоб тебя не было.

февраль 2014

Девочка строила город

Девочка строила город,
мамин, любимый,
по памяти.
Брала остов от коробки,
выправляла вмятины,
ставила дом —
без крана, одна —
дверь, три окна,
ступеньки,
крыльцо,
крыша лопухом.
Песком
насыпала дорогу до школы:
мама по ней ходила,
девочка не успела,
от школы одни осколки.
Девочка берёт один,
чёрный с малиновым,
ставит: вот она, школа.
А после уроков бежать в магазин.
Девочка ставит ещё один
кусок кирпичей.
И до магазина дорогу тоже чертит.
А после магазина в кино.
Там девочка была,
но давно.
Помнит женщину в белой шляпе,
ветер унёс её.
А потом пошли на улицу,
и там была осень,
холодно, мороженое нельзя.
Город готов.
Пустой.
Сюда бы людей – негде взять.

сентябрь 2013

Печи

Какие печи и ямы, внучек —
мы думали просто, что станет лучше,
что как-то стабильнее, что ли, станет,
мы от безвестности все устали...

И всё начиналось нормально, вроде бы.
Нам возвращали гордость за Родину,
духовность, надежду на единение:
мы стали ближе, мы стали роднее,
когда приструнили баб, извращенцев,
страну почистили от вырожденцев,
от инородцев и всех потакающих —
всё ближе, крепче ряды смыкая.
Мы стали спасителями народов
и в завтра глядели ясно, гордо:
последний оплот цивилизации,
хранить готовые и подвизаться.
И были величественными — планы,
и юные были полны запала,
и были искренно-звонки речи...

Откуда нам знать про чёровы печи?

ноябрь 2013

Дервиши

*Мишелю Дахмани,
цыгану, арабу и ужасающе
подозрительной личности*

Амьенский собор выгорел. Нотр-Дам поседел.
На древних ступенях цветами – юбки цыганок.
Кто-то готовится выиграть в самом последнем суде.
Кто-то желает сейчас получить чистоганом.
И только новые дервиши, забывшие имена
любых из божеств, с кем надо бы договориться,
снимают с себя последнее, будто рубашку – на! —
потрёпанные в молитвах о чуде лица.
А небо забыло начисто, как прятать ночами свет,
и звёзды сбегает из города в дикие горы.
Дервиши зарывают на зиму, как в листве,
в постерах музыкальных звоны соборов,
чтобы на Антипасху, под первым хмельным дождём,
каждый проросший звон обернулся птицей,
ввинтился в воздух, опасно и радостно возбуждён —
а мир вместе с дервишем станет внизу кружиться.

август 2013

Никогда

Я никогда не родилась в Париже,
где смехом брызжет
из кафе-шантанов,
не ела в жизни жареных каштанов
и не спала под старой острой крышей.
Я никогда не родилась в Варшаве,
не бегала босая по брусчатке,
не засыпала в бабушкиной шали
и не качалась на резной лошадке.
Мне негде брать мотивы и напевы:
я никогда не родилась в кочевье,
и никогда не выросла на Волге,
и вечера мои бывали долги —
но очень редко чем-нибудь согреты.

Я никогда не родилась поэтом.

25 апреля 2014

Дакини

Всякое меряешь чудо, мудрости пробуешь всё мудрей,
кости кидаешь и руны, стучишься во всякую из дверей,
в числах считаешь имя, чтобы найти Сатану и Христа...
Знай же, что я – дакини, и красный след за мной неспроста.

Что ты в болоте сыщешь, тыча бессмысленно и наугад? —
так во швах копается нищий, силясь не вшу раздобыть, а клад,
так слона-мертвеца поглощает самоуверенный муравей.
Я, дакини, тебе вещаю, красным пятная между бровей:

брось вертеть бесконечные низки чуждых друг другу богов
и божков,
свёрстанные беспорядочно списки разделённого гранью веков,
по-младенчески сыпать в кучу то, что разложено по рядам,
растрясая гармонии, в лучшем случае – без толку и вреда.

Скалят зубы и воют трубами черепа на моей груди.
Раной моей раскрасив губы, стань в сиянии над людьми;
стань, познав, что не зря забыта каждым прошлая нить судьбы,
то, что с глаз человеческих скрыто, так, сокрытым, должно и быть;

стань на миг, оглянись – и скинь
бесконечный свой сон земной.
Ты же видишь, что я – дакини;
это значит – идёшь за мной.

февраль 2013

Мостик

Там, где старый мостик,
река играет в кости.
С ней играет лес.
Так, на интерес.
Выпадет, что выпадет.
Кто-нибудь да выиграет.
Черепушка, дыркой глаз —
это раз.
И другая голова —
вместе два.
Три, четыре, пять, шесть.
Шесть – если найдётся челюсть.
Я тихонько прихожу,
я на партию гляжу.
Лишь бы мама не узнала,
она сюда не разрешала...
Лес ворчит,
река журчит.
У берега – камни.
Не трогай, река, меня!
Я быстренько, быстренько.
Увидел в камнях искорку.
Не клад, а портсигар,
кому-то был в подарок.
«Милый юнкер Вадик!
Прошу не забывать!»
В стёклышках, серенький.
Спешу на берег.
Там, где старый мостик,
река играет в кости,
на счастье их целует,
жулит напропалую.
Не выиграет лес,
зря вообще полез.
Скоро кончатся все кости,
новые кидать под мостик...

декабрь 2013

Толстая Маша

Толстая Маша курит сигариллы и пьёт галлоны морковного сока.
Толстая Маша такая толстая, что смеётся всегда всем телом.
Утром мы вместе с солнцем заглядываем ей в распахнутые окна:
эй, Толстая Маша, привет! Ты как, потусить не хотела б?
И я выжимаю два сока, пока она громыкает своей посудой.
Морковные волосы встрёпаны – она умывается, только позавтракав.
Опять притащила синицу в постель машина кошка-паскуда —
Маша жалуется или хвастается, а кошка мурчит от миски, мерзавка.
У машиной кошки много имён, она приходит на любое,
но больше всего на «сволочь», сказанное Машей нежно-нежно.
Толстая Маша жарит глазунью, а та не сдаётся без боя,
и в кухне шкворчит и стреляет, но всё вхолостую, конечно:
Маша неуязвима. Она подпевает под радио «Битлз»,
двигая толстой попой до невозможности рок-н-рольно.
У кошки, дебилки, от счастья наружу из пасти вылез
розовый язычок, и «Битлз» под Машу тянут нестройно.
С Машей у нас четыре руки, и, позавтракав, мы на крылечке
режем алую бархатную бумагу во все четыре.
Толстая Маша дует в ладонь, и трепетные сердечки
летят, шурша на ветру,
кому-то в грудь,
и в них, как в тире,
кто-то вклеивает круглые чёрные дыры.

Маша подбирает те, что упали в траву, дыша тяжело и хрипло.
Я говорю: «Ну ладно, мы же пытались, завтра обязательно всё
получится».
Кошка, скотина, глядит нам как будто «я говорила».
Солнце закрыла туча.

октябрь 2012

Тоска

юноше В.

Окна заледенели, и снова сердце берёт тоска:
если ты мёртв, отчего не придёшь, как в сказках —
помнишь ли? – ты рассказывал их тогда,
сердце вручив бесценнейшим из подарков.
Снова зима без тебя, как были осень, лето, весна —
мы их забудем, едва ты придёшь, будто не с нами
злая была разлука... Когда за окном ветра
стонут —
спросонок твой
чудится шёпот мне, брат мой.

декабрь 2012

Солнце

юноше В.

У меня на кончиках пальцев солнце,
Жгуче-алое бьётся небесное сердце.
Если верить, то брат мой, конечно, вернётся;
Год за годом учусь и учусь – верить.

Год за годом совсем не ношу кольца —
Оставляю пустыми на «вдруг» пальцы.
Он их много подарит, когда вернётся.

Наконец мне меня подарит.

декабрь 2011

Письмо из задачника

А день начался пораньше подставою.
Письмо потерялось. И чёрт бы с ним: старое.
Зачем хранила – сама без понятия.
Хранила, старалась не рвать, не помять его.
Кому? От кого? Тёте Мане от Люды.
Кто эти двое? Стало быть, люди.
Письмо я нашла случайно, в задачнике,
в книгах, разбросанных кем-то за дачами.
Бумага в линейку, буквы чернильные;
детские пальчики явно чертили их.
Набросан пейзаж новогоднего города
под строчками с жалобой: скучно от холода,
скучно без мамы, папы и брата,
скучные стали и в школе ребята...
Письмо без событий, письмо без таланта.
Душа не на месте: подевалось куда-то!
И странно – запомнилось каждое слово
и дата: декабрь сорок второго.

ноябрь 2013

Город

Розой упала багровая шаль
заката,
в окнах звеня древнейшей тревогой
крови.
Ночь начищает морозом свои
дукаты,
тучами сивыми пряча глаза
коровьи,
а за подол её держится кроха-
город,
вшивый машинами и от весны
чумазий.
Чем-то он ей, сопливый и мрачный,
дорог:
лунный надела на ручку фонарь
от сглаза.

март 2011

Фламенко. Волгоград

Черны цыганские окна:
слепы бараки.

Под ливнем ноябрьским мокнут,
сутулясь, хибарки.
Ветром ноябрьским стонут
трубы печурок,
гудят квадраты заслонок
низко и хмуро,
полночные сны выпевают
малыцам-цыганятам.
А в окна клёны кивают,
бурей распяты.

Черны цыганские окна:
слепы бараки.

Поёт тихонько и тонко
девочка братику:
у брата болят коленки,
заснуть не может.
Висит на копчёной стенке
картинка с боженькой.
Завтра вернётся мама,
принесёт картошки,
не плачь так отчаянно, маленький,
потерпи немножко.

Черны цыганские окна:
слепы бараки.

Горит свеча одиноко —
ни светло, ни жарко —
печка уже не топится.
Старая бабушка
колет пальцы, торопится,
чинит рубашку.
Воздух в доме тяжёлый —
дух берлоги
жжёный, стужёный, лужёный —
людского логова.

Плачут во сне цыганки —
щёки мокры.
Цыганкам вставать спозаранку —

при чёрных окнах.
Снятся старым цыганам
кони в небе.
Снятся ребятам малым
горбушки хлебные.
Скорчившись, дружно дрогнут
в привычном мраке.

Черны цыганские окна:
слепы бараки.

декабрь 2012

Ангел

Белый ангел шествует мимо,
Розы неся в руках.
Взор его плещет синим, синим,
Хлеба белей щека.

Белый ангел несёт свои крылья —
Сахарные клинки —
Белым душою, чьи губы – лиры
И голоса сладки.

Белый ангел! – фарфор и мрамор!
Пальцев прозрачный лёд
Нежного сердца исцелит раны.
Как твой высок полёт!

Наших слёз и домов убогих,
Тёмных солёных губ
Ты сторонись, ведь в чёрной боли
Голос наш – трубно-груб...

Нет утешения чёрным душам,
Видно, и поделом —
Чёрной тоской чересчур иссушен
Чёрных сердец надлом.

Только и нас посещает ангел
В угольной мгле берлог,
Нас укрывает, как будто флагом,
Чёрным своим крылом —

Не защищая и не обещая
В мире ином наград,
Не утоляя сердец печали.
Просто как чёрный брат.

март 2011

Панночка

В классной зале панночке было – душно.
За иголкой панночке было – скушно.
Не хотела панночка ни герба, ни панства;
убежала панночка за возком цыганским —
повязав платок, босиком по свету —
позабыв сиденья мягкие в каретах.

Пока челядь след по лесам искала —
со дворов цыплят панночка таскала,
под окном просила пирогов да сала,
у ворот в пыли за гроши плясала.
Подарил ей муж алые кораллы...
Не ищите, слуги —
насовсем
пропала!

июнь 2012

Табор плясал

Вечер был стыл и мрачен.
В сером зевал палач.
Плакал маленький мальчик;
мать повторяла: «Не плачь».
Прятали дети лица
в юбок цветастых ширь.
Кто-то уже молился —
за упокой души
(кто-то отмолит после?).
Никли лозины кос.
Немец, плечистый, рослый,
пляски смотрел стрекоз.
Ветер ерошил травы,
весь обратившись в слух.
Кровью сочились раны
в мочках ушей старух.
Лаяли псы, пугая,
бились на поводках.
Ждали судьбы цыгане,
с ветром глотая страх.
Плакал маленький мальчик.
Серый взглянул в прицел.

Старый старик незрячий
вскрикнул: «пан офицер!
Просить ни о чём не смеем,
видим – не миновать,
дай только напоследок
табору станцевать!»

Серый, давясь от смеха,
всё перевёл. Капитан
хмыкнул. Ради потехи
кивнул – и запел цыган.
Старческий слабый голос
разом окреп и взмыл —
гибельной муки полон,
взрезал покровы тьмы.
Вздогнули немцы. Серый
сплюнул и вдруг застыл,
и по спине офицера
будто прошлись хлысты.
Табор плясал. Метались
по ветру плети кос.
Синим дрожали дали,

сыпясь мурашками звёзд.
Табор плясал. Старухи
павами плыли в ночь,
крыльями вскинув руки
и не жалея ног.
Табор плясал. Горели
жарким огнём платки.
Вечер, от песни хмелен,
плакал в силках ракит.
Бабы и малые дети,
парни и старики —
табор плясал до света
на берегу реки.

Когда же рассвет пометил
жёлтыми пальцами лес —
вздрагнул от залпа ветер
и табор в реке исчез.

Был он или приснился? —
не знал и сам капитан.

Прочь уносили птицы
песни цыган.

январь 2012

Быльё

Быль порастает быльём, травами – травмы,
маками – мертвецы.
Больше не будет больно, выйдет отравы —
её соберут жнецы
серебряными серпами, скинут мякину,
в пыль быльё истолкут,
смешают с водою в тесто – серую глину —
поставят в кут.
А после – хлебцев налепят, в печного чрева
заложат жар;
затянут песню, и прямо в огонь из хлеба
вылупится душа.

июнь 2012

Рубен Топкарян

Когда весь город клонится ко сну
в вечерней истоме,
Рубен целует детей и жену
и уходит из дома.
Рубен Топкарян не наденет шарф,
носки и галоши:
Рубен Топкарян залезает в шкаф
играть на гармошке.
Прижавшись губами ко рту жестяному,
смежив ресницы,
он дышит, чтобы во тьме стенной
запели птицы
и чтобы дюжина язычков,
дрожа от страсти,
нежной текли бы в ночи мечтой —
слаще сласти;
и выдохи вдруг заискрятся, ясны,
в сачках октав...

А дети спят, не зная, что сны
приходят из шкафа.

ноябрь 2012

Чардаш

_____ «Цин-
_____ ка
_____ Пан-
_____ на» —
_____ струн-
_____ ки
_____ скрип-
_____ ки
_____ звон-
_____ ки,
_____ зов-
_____ ки,
_____ лов-
_____ ки,
_____ тон-
_____ ки:
_____ как
_____ под-
_____ ков-
_____ ки,
_____ как
_____ бы-
_____ лин-
_____ ки,
_____ как
_____ вет-
_____ рин-
_____ ки
_____ и
_____ мо-
_____ нет-
_____ ки...

...Однажды я буду примашем.
Смычком, а не пальцами, выпишу
звнящее моё имя
на главной из скрипок – приме,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.